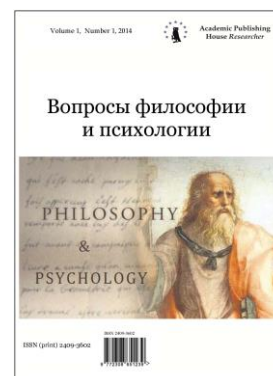

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2019, 6(1): 8-13

DOI: 10.13187/vfp.2019.1.8
www.ejournal20.com

Philosophical Origins of Inhuman Anthropology

Fedor I. Girenok^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the philosophical origins of inhuman anthropology. Under inhuman anthropology the author understands the movement of modern philosophy to new materialism. It is headed by Agamben, Simondon, Descola, de Castro, Latour, Harman, Meyasu. Within this movement conceptualizers hybrid creatures, inhumane hospitality, indigenous cosmology, post-humanism, cyborgs, women, animals and barbarians. The author considers the Greek myth about the centaur as well as the philosophy of Aristotle to be the origins of inhuman anthropology. Critics of the inhuman anthropology is the philosophy of Heidegger. The author explores in detail the philosophy of Aristotle and concludes that his views have given rise to modern philosophers to bring man and animal together. Analyzing the philosophy of Heidegger, the author comes to the conclusion that Heidegger objects to humanization of the animal and animalization of man. And at the same time it creates a new boundary between being and man.

Keywords: anthropology, nonhuman anthropology, human, being, animal, open, being, centaur, hybrid.

Антропология – это наука о человеке. Еще недавно эта истина считалась самоочевидной, как и другая истина, объясняющая нам, что общество состоит из людей. Но постепенно получили легитимность другие истины. Общество стало мыслиться как совокупность коммуникативных актов. Антропология расширила свои границы и включила в себя человекоподобные действия животных, а также человекоподобные действия неорганических существ с встроенными в них элементами искусственного интеллекта. Появились антропологические кентавры, основанные на симбиозе человека и машины. Для того чтобы проанализировать философские истоки нечеловеческой антропологии, мы обратимся к греческому мифу о кентавре, а также к размышлениям Аристотеля о бытии, о человеке и о животных. Помимо этого, несомненный интерес представляет критическое отношение Хайдеггера к поэзии Рильке, в которой граница между человеком и животным осмысливается иначе, чем у Хайдеггера.

Кентавр

Миф о кентавре рассказывает о благородном царе Иксионе, который своим поведением снискал уважение олимпийских богов. И боги решили пригласить Иксиона на Олимп за пиршественный стол. Скромный Иксион после употребления чаши с амброзией осмелел и стал присматриваться к олимпийским богам. Конечно, ему очень понравилась

* Corresponding author
E-mail address: girenok@list.ru (F.I. Girenok)

жена Зевса Гера, которой он стал делать недвусмысленные намеки. Зевс создал из облака подобие Геры, а Иксион не понял, что это не Гера, а ничто, и совокупился с облаком. В результате на свет появился кентавр: получеловек и полуживотное. Что нам рассказали греки? Что встреча бытия и небытия приводит к образованию нежизнеспособных существ, то есть существ с двумя сущностями, с двумя организмами и двумя логиками. Не приведет ли забвение мифа о кентавре к образованию кентавров в результате технического отношения человека к самому себе? «Ни одна сущность, – говорит Аристотель, – не состоит из сущностей» (Аристотель, 1975: 220).

Аристотель: истоки нечеловеческой антропологии

Нечеловеческая антропология – это изобретение западной мысли, которая, не ответив на вопрос о том, что есть человек, решила, что нет никакой границы между человеком и его ближайшими генетическими родственниками. Первый нечеловеческий антрополог Аристотель.

«Метафизика» Аристотеля начинается с фразы: «Все люди от природы стремятся к знанию» (Аристотель, 1975: 65). Слово «природа» является в ней ключевым. Она одна для всех живых существ, для нас и для животных. Но почему природа наделила человека стремлением к знанию, а животное она не наделила, этого Аристотель не знает и не хочет узнать. А это интересно. Потому что природа сделала свое дело и, как говорит Аристотель, дала всем животным и человеку одно и то же: чувственное восприятие. Но из факта восприятия никак не следует стремление человека к познанию, ибо у животных восприятие тоже есть, а стремления к познанию у них нет. Аристотель также полагает, что у животных есть представления. И этим они ничем не отличаются от человека. Аристотель даже допускает у них опыт. И все-таки рассуждает почему-то только человек. Почему? Это, с одной стороны. А с другой, Аристотель уверенно уподобляет ремесленника неодушевленным предметам, намекая на то, что нет никакой границы между человеком и его техническими аналогами, ибо ремесленник нечто делает, не зная о том, что он делает. Он делает по привычке, как выдрессированная лошадь. «...Ремесленники подобны некоторым неодушевленным предметам: хотя они и делают то, или другое, но делают это сами того не зная» (Аристотель, 1975: 66). Для Аристотеля человек есть наиболее известная, понятная и простая вещь, через которую можно объяснить все остальное более сложное, непростое и непонятное.

В «Никомаховой этике» Аристотель говорит: «А если сказать, что человек лучше всех прочих живых существ, то это ничего не меняет, ибо даже человека много божественнее по природе другие вещи, взять хотя бы наиболее зримое – звезды» (Аристотель, 1997).

Представление о человеке конструировалось Аристотелем не в режиме исключения, а, напротив, в режиме включения человека в систему природы. Об этом свидетельствует «История животных» Аристотеля. В девятой книге «Истории животных» Аристотель рассказывает трогательную историю о том, как верблюд, которого обманом заставили спариваться со своей матерью, отомстил своему хозяину, укусив его. А породистый жеребец в аналогичном случае от отчаяния бросился с кручи в пропасть.

Животные, как люди. Они, говорит Аристотель, дружат, враждуют, хитрят. Например, лиса и ворон дружат, собака и кошка враждуют. У каждого животного свой характер: овца глупа и проста, корова всегда печальна и безропотна, собака лстлива, змея низка и коварна, заяц боязлив и благоразумен, гусь стыдлив, кукушка сознает свою трусливость. И этот аристотелевский подход очень нравится представителям современной нечеловеческой антропологии. А как же Аристотель отличает животных от человека? Способностью к сознательным рассуждениям. Но у самого Аристотеля нет ни одного размышления о том, что значит сознать. Разбив разумность на три части: растительную, животную и разумную, он отнес человека к политическим животным. Политическое Аристотель понимает не так, как Маркс. Политическими животными для него являются человек, пчела, оса, муравей, журавль. В первой книге «Истории животных» Аристотель пишет: «Общественны те животные, у которых все выполняют какое-нибудь единое и общее для всех дело» (Аристотель, 1996).

Аристотель, открыв вопрос о бытии для европейской философии, закрыл для нее вопрос о том, что есть человек. Закрыл его и утрамбовал своими категориями так, что даже у Канта не получилось его переоткрыть. Что же он сделал? Он своей «Метафизикой» смог убедить всех в том, что «Выяснить же, почему вещь есть то, что она есть, значит ничего не выяснять» (Аристотель, 1975: 220). Более того, Аристотель в «Никомаховой этике» сочувственно передал отношение греков к философам. Греки упрекали философов в том, что они не исследуют то, что является пригодным для жизни людей. Не поэтому ли для Аристотеля перестала существовать проблема человека самого по себе и человек всегда находился для него в некоторой конфигурации. Например, в конфигурации домашних животных, в которой есть два не отличающихся друг от друга животных, а именно: мул и человек. Незыблемость этой последней истины подтверждается сегодня так называемой новой антропологией и новым центром философии в лозунге: назад к Аристотелю.

Назад к Аристотелю

Движение назад к Аристотелю и новому материализму возглавили Агамбен, Симондон, Дескола, де Кастру, Латур, Харман, Мейясу. В это движение вовлечен мир так называемых гибридных существ, нечеловеческое гостеприимство, туземные космологии, постгуманизм, киборги, женщины, животные и варвары. Ссылаясь на новую антропологию, Эдвард Эванс-Причард заговорил о преодолении в ней колониального взгляда на туземцев и о признании равенства между европейским мышлением и магической каузальной логикой туземцев. При этом необходимо заметить, что общественность Европы осудила первооткрывателя ДНК Уотсона за непризнание генетического равенства между европейцами и туземцами. Уотсон хотел говорить на языке истины. Его попросили говорить на языке толерантности и нечеловеческой антропологии.

Если бы нечеловеческие антропологи не остановились в разработке своей онтологии, то они пошли бы дальше Аристотеля и, возможно, пришли бы к философии Протагора и Гераклита, которые установили новую границу между человеком и животными. Так уже Аристотель заметил, что человек больше всех животных видит сновидений. Протагор и Гераклит это тоже заметили и сделали радикальный вывод о том, что человек – это существо, спящее наяву, а животное – это существо, которое бодрствует, даже когда спит. Для того чтобы это смог заметить Латур и новые антропологи, им, видимо, нужно будет отказаться от деантропологизации мышления.

Аристотель, как и Лейбниц, не видел скачков природы. Аристотель писал в восьмой книге «Истории животных»: «Природа переходит так постепенно от предметов бездушных к животным, что в этой непрерывности остаются незаметными и границы, и чему принадлежит промежуток» (Аристотель, 1996). А это значит, что и Аристотель, и Лейбниц пропустили какой-то момент, который не только стал прерывом в непрерывности, но и обозначил пропасть, разрыв между природой и человеком. Пропасть, которую природа не сможет постепенно перейти, зовут в философии «взрывом галлюцинаций». Эту пропасть нельзя поймать в сети недואльного мышления. Ее можно только перепрыгнуть или принять как сингулярность.

Человеку не нужно иметь сознание, чтобы работать роботом, вычислительной машиной. Для этого ему достаточно быть алгоритмом. Но это будет не переход к машине, не преодоление дуальности, а редукция человека к той его части, которая принадлежит природе. Если человек кукует, то это не значит, что он кукушка. Ошибка новых материалистов состоит в том, что они субъективность и телесность приписывают дискретно выделенному в пространстве индивиду. Однако человек – это не тело человека, а субъективность – не его внутренние перцепции. Несмотря на постчеловеческую чувственность, открытую постгуманистами, остается в силе истина, сформулированная скептиком Пирроном. Когда его спросили, почему же он вопреки своей философии скепсиса убежал от злой собаки, а не топтался на месте в нерешительности, он ответил: потому что она не знает, что я скептик.

Глядя на себя в зеркало наскальной живописи, первые люди меньше всего думали о животных. Они, видимо, искали ответ на вопрос: кто они? И первый их ответ был простым ответом сознания: мы – не они. Они внешне похожи на нас, но у них согласованные

галлюцинации другие. Внутренний мир человека выполняется не актами автономной личности, а внешними связями между людьми внутри одного мифа. Они – это люди другого мифа. ««Быть человеком» не может означать то же, что «не быть человеком»» (Аристотель, 1975: 127).

Парменид, Рильке и Хайдеггер о бытии животным и человеком

В поэме «О Природе» Парменид рассказывает о своей встрече с богиней истины, которая велела знать ему не только истину, но и мнения людей. Она сказала: ты должен узнать все, в том числе «как о кажущихся вещах надо говорить правдоподобно» (Хайдеггер, 2009: 31). Но почему она так сказала? Ведь если я знаю истину, то зачем мне знать неистинное? Может быть для того, чтобы я мог отличить правду от правдоподобного? Но что дает мне знание этого отличия? Знание – это осведомленность о чем-либо. О чем осведомленность мне так важна? Не о том ли, что люди живут в мире кажущихся вещей? И что это за вещи, если о них можно говорить только правдоподобно? Не помогают ли кажимости налаживать человеческую жизнь, обустраивать ее? Если я смотрю на оливу и говорю, что это олива, то разве я уклоняюсь от истины? Или я отклоняюсь от истины тогда, когда смотрю на то, что само себя, как в театре, показывает? Не хочет ли богиня сказать Пармениду, что вся человеческая жизнь состоит в показывании себя себе? И этот показ не отменим, а человек только тогда человек, когда он, как Парменид, удерживает различие между правдой и правдоподобием? Не удерживает ли он тогда себя в сознании, преодолевая притяжение людского мнения?

В 1942-43 годах Хайдеггер пишет лекцию о Пармениде, в которой анализирует фрагмент поэмы Парменида «О природе» под номером 22-32. В процессе анализа Хайдеггер не высказался только о тех строчках из поэмы, которые идут под номером 31-32 и в которых богиня рекомендует знать мнения людей. Видимо, эти строки не укладывались в концепт истины-алетейи. В этой связи нельзя не обратить внимание на интерпретацию Хайдеггером в лекции о Пармениде восьмой Дуинской элегии Рильке. Вот строки, на которые обратил внимание Хайдеггер:

Во все глаза взирает тварь
 В открытое. Лишь наши очи
 Обращены вовнутрь, мы в них ее поймали,
 Как в западню, закрыв свободный выход.
 То, что снаружи, знаем мы
 По одному лишь лику зверя...
 Но мы же – зрители всегда,
 Везде во всем и никогда во вне!
 Нас распирает. Мы вершим порядок.
 Он рушится. Мы вновь его вершим
 И сами распадается...
 Пространства чистого, в котором
 Цветы восходят бесконечно,
 Мы не имеем никогда, ни даже на день...
 Свободен зверь.
 Его кончина всегда за ним.
 Пред ним же – Бог, и если зверь уходит,
 То он уходит в вечность, как родник.

Хайдеггер и Рильке – это как лед и пламень. У них принципиально разные концепции открытого и, следовательно, разные концепции человека. Для Хайдеггера открытое – это как открытое море. В открытое море можно выйти в непогоду. Что, правда, опасно. Движение в нем, согласно Хайдеггеру, совершается внутри сущего, самим сущим и только им самим. Это движение никаким образом не приведет за пределы сущего. А это значит, что мы имеем дело с тем, что не открыто, а закрыто. И это движение внутри сущего не для человека, а для животного. Напротив, за пределами сущего находится бытие. Увидеть его может только человек, а не животное. Усмотрение открытого как бытия является сущностным свойством человека. Чем же тогда занимается Рильке, объявив, что это мы заперты и это человека распирает? На этот вопрос Хайдеггер отвечает так: чудовищным

очеловечиванием твари и одновременно оживотнением человека. На первый взгляд Хайдеггер прав. На самом деле он устраивает суд над поэзией. И суд неправомочный. Хайдеггер говорит, что уже греки поняли, что человек – существо имеющее слово. Но это не так. Так говорил Аристотель. Гераклиту же принадлежат слова о том, что человек есть существо, спящее наяву. Пармениду принадлежит замечание о людях, окруженных кажимостями. Что это значит применительно к поэзии Рильке? Это значит, что у Рильке не «биологическая метафизика», как говорит о нем Хайдеггер. И он не христианский неудачник, как именует его Хайдеггер. Рильке продолжает развивать тему сновидения Гераклита, которую Хайдеггер по каким-то причинам пропустил. По словам Гераклита, мы спим всегда. Мы спим, когда бодрствуем. Мы спим, когда обращены к себе. Мы спим, когда у нас есть внутренний мир. Животные бодрствуют, когда спят. Они всегда вовне. У них нет свободы. Но они и есть та бесконечная природа, к которой они не относятся, о которой они не рефлектируют. Разве не об этом говорят слова Рильке: наши очи обращены вовнутрь. Наши глаза для животного – это глаза из параллельного мира. Глаза сознания. Глаза животного – это глаза природы, вечности. То, что снаружи, знаем не мы, а они. Они и есть выражение лика этого наружного. Мы зрители, потому что мы сами себе себя показываем. А лик зверя – это тот лик бесконечности, которую мы покинули и зрителями которой мы уже никогда не будем. Этот лик поймали первобытные художники. Зверь уходит в вечность, а человек – к Богу. Конечно, камень, равно как и самолет, никогда не сможет, ликуя, живо вознестись к солнцу, как это делает жаворонок, и тем не менее, - говорит Хайдеггер, завершая рассуждение о Пармениде, - эта птица не видит открытое. Рильке мог бы на это сказать: И слава Богу, что ликует жаворонок, ибо выше этого ликования в нерелексивном бодрствовании ничего нет. Человек же рожден не для удовольствия, а для исполнения сновидений.

Хайдеггер привык думать, что в открытое смотрит человек, ибо человеку дано сущее. А Рильке говорит, что в открытое смотрит животное, ибо оно само и есть это открытое. Ему больше некуда смотреть, кроме как вовне. Хайдеггер поправляет Рильке и объявляет открытым то, что он называет бытием. Хайдеггер пишет: «Бытие и истина бытия существенно выше всякого человека и всякого человечества» (Аристотель, 2009: 355). Рильке боится этого возвышения как еще одного сновидения, в котором то, что дано, выше того, что существует. Человек не видит открытое. Ему нужно животное, чтобы увидеть открытое.

Литература

Аристотель, 1975 – *Аристотель* (1975). Соч. в 4 тт. Т.1. М.: Мысль. 550 с.

Аристотель, 1996 – *Аристотель* (1996). История животных. М.: Издательский центр РГГУ. [Электронный ресурс]. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_antichnaja/aristotel_istorija_zhivotnykh/7-1-0-394

Аристотель, 1997 – *Аристотель* (1997). Никомахова этика. М.: Эксмо. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt_with-big-pictures.html

Хайдеггер, 2009 – *Хайдеггер М.* (2009). Парменид. Спб.: Владимир Даль. 384 с.

References

Aristotel', 1975 – *Aristotel'* (1975). Soch. v 4 tt. T. 1. [Works in 4 volumes, Vol. 1]. M.: Mysl'. 550 p. [in Russian]

Aristotel', 1996 – *Aristotel'* (1996). Istorija zhivotnykh [Animal history]. M.: Izdatel'skij centr RGGU [Elektronnyi resurs]. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_antichnaja/aristotel_istorija_zhivotnykh/7-1-0-394 [in Russian]

Aristotel', 1997 – *Aristotel'* (1997). Nikomahova ehtika [Nicomachean ethics]. M.: EHksmo. [Elektronnyi resurs]. URL: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt_with-big-pictures.html [in Russian]

Hajdegger, 2009 – *Hajdegger M.* (2009). Parmenid [Parmenides]. Spb.: Vladimir Dal'. 384 p. [in Russian]

Философские истоки нечеловеческой антропологии

Федор Иванович Гиренок^{а, *}

^аМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются философские истоки нечеловеческой антропологии. Под нечеловеческой антропологией автор понимает движение современной философии новому материализму. Его возглавляют Агамбен, Симондон, Дескола, де Кастру, Латур, Харман, Мейясу. В рамках этого движение концептуализируются гибридные существа, нечеловеческое гостеприимство, туземные космологии, постгуманизм, киборги, женщины, животные и варвары. К истокам нечеловеческой антропологии автор относит греческий миф о кентавре, а также философию Аристотеля. К критикам нечеловеческой антропологии относится философия Хайдеггера. Автор подробно исследует философию Аристотеля и приходит к выводу, что его взгляды дали основание современным философам сближать человека и животное. Анализируя философию Хайдеггера, автор приходит к выводу о том, что Хайдеггер возражает против очеловечивания животного и анимализации человека. И одновременно он создает новую границу между бытием и человеком.

Ключевые слова: антропология, нечеловеческая антропология, человек, бытие, животное, открытое, сущее, кентавр, гибрид.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: girenok@list.ru (Ф.И. Гиренок)